

Преобладаніе научнаго сомнѣнія въ современномъ невѣріи.

„Человѣка создалъ Богъ, чтобы онъ былъ зрителемъ и благодарнымъ истолкователемъ Его дѣлъ. Объ этомъ и надобно стараться людямъ, чтобы иначе не умереть имъ, не узрѣвъ и не уразумѣвъ Бога и дѣлъ Его, подобно животнымъ безсловеснымъ“.

Автоній Великій. Наставленія о доброй нравственности и святой жизни; гл. 47.

„Superstition is not necessarily a religious error. By far the most numerous superstitions are scientific superstitions“.

P. Carus. Homilies of Science. Chicago. 1892, p. 207.

I.

Жалобы на возрастаніе невѣрія раздаются такъ давно и повторяются столь часто, что перестаютъ уже обращать на себя серьезное вниманіе, точно такъ же, какъ и противоположное имъ щегольство невѣріемъ. То и другое притупившемуся слуху начинаетъ казаться падоѣвнымъ мотивомъ, заправною фразой. Несомнѣнно, и упреки невѣрію, и защита его вызывали-бы болѣе живое впечатлѣніе, если-бы они отличались меньшею неопредѣленностью. Укоризны въ невѣріи, безъ уяненія состава и свойствъ его, растлываютъ, какъ туманъ, и столь же легковѣсны. Разнообразнѣйшія психологическія и нравственныя побужденія и настроенія смѣшиваются здѣсь въ хаотическую массу, объединяемую столь же неопредѣленнымъ, слишкомъ общимъ терминомъ:

„невѣріе“. Какая путаница понятій, какая необоснованность сужденій и приговоровъ и какое непониманіе другъ друга противоположными сторонами отсюда происходитъ—очевидно само собою, безъ всякихъ дальѣйшихъ разслѣдованій.

На основаніи столь неясныхъ, перепутанныхъ данныхъ выводитъ заключенія о ростѣ невѣрія, опредѣляютъ его размѣры въ настоящемъ и основательно предрѣшать его судьбу въ будущемъ нѣтъ никакой возможности. Такого рода предпологаемые *общіе* выводы, въ дѣйствительности, не болѣе, какъ показатели *условной* точки зрѣнія того *субъективнаго* мнѣнія или же той, болѣе или менѣе *ограниченной* среды, изъ которой они исходятъ, а отнюдь не объективные факты дѣйствительности, взятые изъ общественной жизни въ ея полномъ составѣ.

Вотъ почему такія заключенія оказываются невыносимо разнорѣчными и даже прямо противорѣчащими другъ другу. Одни, и даже многіе, увѣряютъ насъ, да и сами, пожалуй, искренне убѣждены, будто невѣріе настолько широко и глубоко охватило общество, что недалеко уже время, когда все религіозныя вопросы будутъ окончательно сланы въ архивъ пльюзій человѣчества. Другіе, столь же убѣжденно, и опять съ обильными ссылками на факты, утверждаютъ, что волна сомнѣній и отрицанія, достигши высшаго уровня, пошла на убыль, что обаяніе невѣрія уже пережито, что душу современнаго человѣчества влечетъ снова къ положительнымъ духовнымъ идеаламъ. Такъ,—чтобы ограничиться только двумя выдающимися примѣрами относящихся сюда разномѣній,—позднимъ пророчествомъ Гюйо объ „иррелигіозности Будущаго“ ¹⁾ Брюнетьеръ противопоставляетъ фактъ „потребности въ вѣрѣ“ у Настоящаго ²⁾, а довольно многочисленныя „опросы“ предпріятыя на эту тему въ разныхъ странахъ за послѣдніе годы, подтверждають, до какой степени разнообразны взгляды нашихъ современниковъ на вопросъ: „совершается ли въ настоящее время разложеніе („диссолюція“) или же развитіе (эволюція) религіозной мысли и религіознаго чувства?“ ³⁾.

¹⁾ Guyau. L' Irreligion de l' avenir. 2 édit. Paris 1887.

²⁾ Brunetière. Le Besoin de croire (1898) въ Discours de Combat. 1-re série. 13-e édit. Paris, 1906, 295 ss.

³⁾ Такъ формулировалъ свой опросъ Mercure de France, интересные

Несравненно плодотворнѣе спорить о *количественной* силѣ невѣрія безпристрастное разслѣдованіе его *качественной* стороны. Желаящему разобраться въ этой сумрачной области надо, прежде всего, разграничить различные роды невѣрія: затѣмъ—обнаружить причины, ихъ порождающія, а черезъ это—и цѣли, къ которымъ то или иное направленіе стремится. Только тогда получится возможность судить о степени умственной зрѣлости, нравственной цѣнности и практической жизнеспособности и вліятельности того или иного направленія. Изученіе свойствъ и ресурсовъ явленій, противоположныхъ невѣрью, составило бы вторую, необходимую половину изслѣдованія, въ силу тѣсной связи тѣхъ или иныхъ религіозныхъ сомнѣній и отрицаній съ качествами и способностями положительныхъ сторонъ религіозной жизни и мысли; тогда какъ третья и еще болѣе сложная часть задачи было бы изученіе текущихъ, современныхъ отношеній и взаимодействій обѣихъ сторонъ, положительной и отрицательной; и только итоги всей работы, такимъ образомъ послѣдовательно проведенной, могли бы, наконецъ, дать надежныя основанія, какъ для общаго вывода о размѣрахъ и силѣ современнаго невѣрія, такъ и о способахъ и вѣроятностяхъ успешной борьбы съ нимъ.

Вышеизложенныя соображенія, все болѣе и болѣе проникая въ сознаніе западно-европейскихъ апологетовъ, существенно измѣнили приемы ихъ борьбы съ невѣріемъ. Правда, даже и въ Англіи, еще встрѣчаются такіе размашистые полемисты, которые „95% людей, одержимыхъ религіознымъ сомнѣніемъ, относятъ къ разряду просто безчестныхъ субъектовъ“¹⁾. Но ревнители этого типа становятся рѣдкими, и мѣсто огульныхъ, рѣзкихъ обвиненій занимаетъ методичное, спокойное разграниченіе видовъ невѣрія и соответственныя каждому изъ нихъ, расцѣпка и отношеніе къ нимъ.

Установленіе подобныхъ же приемовъ критики и борьбы

отвѣты на который собраны въ книгѣ Fréd. Charpin. La Quéestion Religieuse.—Enquête internationale. Paris, 1908. Другіе опросы предприняты были журналами La Revue; La Nuova Parola; Rivista di Roma, Figaro, а также отдѣльными лицами (Marcel Rifaux, Dennert, Tabrum и др.).

¹⁾ Alex. I. Harrison. Problems of Christianity and Scepticism.—Lessons from twenty years experience in the field of Christian Evidence. 2 edition. London, 1892, p. 9.

представляется у насъ еще болѣе необходимымъ, чѣмъ на Западѣ, потому что вышеуказанная путаница въ опредѣленіяхъ явленій духовной жизни, опрометчивость въ истолкованіи ихъ и взаимное непониманіе выражаются у насъ въ болѣе острыхъ и напряженныхъ формахъ, чѣмъ ездъ - либо. Многія черты западнаго сомнѣнія, вольнодумства и отрицанія предстаютъ, въ аналогичныхъ явленіяхъ русской жизни, въ болѣе рѣзкихъ, грубыхъ очертаціяхъ, въ болѣе яркихъ краскахъ; слабое же, сравнительно, развитіе другихъ сторонъ, къ несчастью, очень часто вызывается у насъ меньшею глубиною мысли.

Чтобы не заслужить упрека въ голословности суроваго приговора, всмотримся ближе и пристальнѣе въ параллельныя черты обсуждаемыхъ явленій на Западѣ и у насъ, для чего воспользуемся анализомъ одного изъ самыхъ зрѣлыхъ и заслуженныхъ англійскихъ дѣятелей въ этой области, Александра Гаррисона, лектора Общества доказательствъ истины христіанства (Christian Evidence Society).

Гаррисонъ устанавливаетъ слѣдующія подраздѣленія видовъ современнаго невѣрія на Западѣ: 1) *общее равнодушіе* къ религіознымъ вопросамъ, лишь случайно переходящее въ оппозицію вѣрѣ; 2) *натурализмъ* или *научное равнодушіе* къ тѣмъ же вопросамъ у умовъ, настолько поглощенныхъ изученіемъ естественнаго, что сверхъестественное кажется имъ уже непозволительнымъ вторженіемъ въ область правительнаго образа мыслей; 3) *сомнѣніе* людей, добросовѣстно изучавшихъ доказательства религій, но *еще не пришедшихъ ни къ какому заключенію*, положительному или отрицательному; 4) *агностицизмъ*, — вариантъ предыдущаго сомнѣнія, по выводимый не столько изъ спеціальнаго изученія положительной религій, сколько изъ неполноты и условности общихъ научныхъ и философскихъ началъ; 5) *антипатія* къ *христіанству*, независимо отъ степеня знакомства съ нимъ; 6) *попытки замѣны христіанства* будто-бы улучшенными суррогатами: общечеловѣческой нравственностью съ свѣтскимъ подобіемъ культа—*гуманизмъ*, *секуляризмъ*, *позитивизмъ*; 7) отказъ отъ положительныхъ проявленій религій при сохраненіи, въ отвлеченныхъ чертахъ, главныхъ основъ теизма, то есть,—*деизмъ*; 8) *пантеизмъ*, отвергающій личнаго и сверхмірнаго Бога, но признающій, въ той или иной формѣ

(міровой силы, энергій или души), общее божественное начало, имманентно присущее міру, въ немъ самомъ, а не внѣ его; и, наконецъ, 9)—*атеизмъ*, полное отрицаніе какого бы то ни было божественнаго и религіознаго начала ¹⁾).

Едва ли можно спорить о томъ, что, къ счастью для русскаго общества, взятаго въ его цѣломъ, то есть, со включеніемъ народнои массы, практическое равнодушіе къ религіи распространено въ немъ значительно меньше, нежели на Западѣ. Но тамъ, куда оно проникло, то есть, въ средѣ нашей интеллигенціи, оно, несомнѣнно, разлито болѣе широкимъ потокомъ, чѣмъ гдѣ-либо. И если, по словамъ англійскаго наблюдателя, западный индифферентизмъ лишь сравнительно рѣдко или случайно переходитъ въ оппозицію вѣрѣ, къ сожалѣнію, далеко не можемъ сказать того же объ индифферентизмъ русской интеллигенціи: не только безрелигіозность, но и противурелигіозность здѣсь слишкомъ часто и не случайно возводится въ обычный, нормальный, прочно установившійся признакъ самой интеллигентности ²⁾.

Приблизительно то же приходится сказать и о религіозномъ равнодушіи, пеходящемъ изъ научно-натуралстическихъ поводовъ. И этотъ видъ невѣрія выступаетъ у насъ съ несравненно большимъ апломбомъ и усабхомъ, чѣмъ гдѣ-либо. Наоборотъ, сомнѣніе осторожныхъ разсѣдователей положительныхъ религіи и общихъ научно-философскихъ основъ знанія или, короче выражаясь, агностицизмъ, въ при-мѣненіи къ религіознымъ вопросамъ, представлеиъ у насъ

¹⁾ Harrison. Op. cit., p. 46—47.

²⁾ Мужественное разоблаченіе этой стороны современной русской жизни составляетъ культурно-историческую заслугу сборника „Вѣхи“. Для соответствующихъ явленій на Западѣ ср. Sheldon. Unbelief in the XIX Century. A Critical History. London, s. an. (1907). Roure. En face du fait religieux. Paris, 1908. „Въ нашей странѣ въ настоящее время (читаемъ мы въ предисловіи къ послѣдней книгѣ, p. V) одинъ вопросъ выдѣлся надъ всѣми другими—вопросъ религіозный. Полявка тому назадъ интересъ къ религіозному элементу былъ слабъ... индифферентисты составляли большинство. Теперь все, касающееся религіи, привлекаетъ, удерживаетъ, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе; религіозныя задачи возбуждаютъ страсти; одни высказываются за религію, другіе—противъ; но одинъ фактъ несомнѣнно выступаетъ впередъ передъ современнымъ взоромъ. фактъ религіозный“. Ср. еще этюды J. Sageret. Les Grands Convertis. Paris, 1906.

несравненно слабѣе, нежели на Западѣ. Общество наше въ этомъ отношеніи дѣлится на двѣ, очень неравныя по размѣрамъ части: одна, несравненно бѣльшая, вѣритъ безъ изслѣдованія основъ своей вѣры; другая—столь же рѣшительно отрицается религіозному отрицанію безъ достаточнаго изслѣдованія основъ своего невѣрія ¹⁾. Мы, конечно, далеки отъ мысли, будто у насъ нѣтъ промежуточныхъ, переходныхъ сочетаній чувствъ и убѣжденій въ этой области. Еще менѣе позволимъ мы себѣ предполагать сплошное отсутствіе добросовѣстныхъ исканій истины на этихъ промежуточныхъ ступеняхъ сложнаго духовнаго процесса. Души болѣзнующихъ и страдающихъ въ поискахъ Бога, какъ и въ сомнѣніяхъ о Немъ, не занимають-ся и „Святой Руси“, „помощи и спасенія“ въ этихъ поискахъ „требующей“ отъ „Подателя свѣтовъ“, и Руси иной, гордо или безнадежно отказывающейся отъ этой помощи въ переживаемомъ ею духовномъ недугѣ. Мы констатируемъ только, что формы переходныя, первичныя, неопредѣленныя или еще не опредѣлившіяся, топчуть, какъ меньшинство, среди обильныхъ представителей двухъ крайнихъ, вполнѣ определенныхъ типовъ. Такъ называемое критическое отношеніе къ вѣрѣ религіозной у насъ рѣдко: но, думается, чуть-ли не еще рѣже критическое отношеніе къ вѣрѣ философской и, въ особенности, научной. Если одинъ изъ видныхъ представителей научнаго монизма, американецъ П. Карусъ въ своихъ „Провѣдьяхъ Науки“ напелеть возможнымъ даже къ Западу примѣнить слова: „суевѣріе не есть неслучайная принадлежность только религіи; далеко наибольшее количество суевѣрій составляютъ *суевѣрія* научныя“ ²⁾,—то насколько же благоприятнѣе для роста этихъ плевеловъ плохо обработанная, кое-какъ всаханная и потому еще обильная буйнымъ степнымъ соромъ и бурьяномъ шва русскаго просвѣщенія?.. И вотъ эта-то меньшая культурность, эти сумерки просвѣщенія, прищипаемые многими уже за яркій полдень знанія, и дѣлають однихъ—

¹⁾ Интересныя замѣчанія объ „отрицательной вѣрѣ“, „недоказуемой“, но преисполненной нетерпимости, въ современномъ невѣрїи можно найти въ статьѣ Д. Х. (Д. А. Хомякова) Народность. Харьковъ, 1909, 31 и слѣд.

²⁾ См. эпиграфъ настоящей статьи.—„И у науки есть свои сенты!“ замѣчаетъ другой англійскій писатель: Graham. The Creed of Science. 2 edit. London, 1884, p. XVII.

столь догматичными и самонадѣянными въ невѣрїи, а другихъ—столь малодушными при встрѣчѣ съ нимъ. *Недооцѣнка ресурсовъ вѣры идетъ параллельно съ переоцѣнкой ресурсовъ значія.*

Наоборотъ, сочувствіе переходнымъ формамъ, отъ положительной, перковной религіи до полного безвѣрія, у насъ несравненно слабѣе, нежели въ другихъ краяхъ. Деизмъ и пантеизмъ занимають, подъ-часть, думу нѣкоторыхъ мыслителей, либо сквозятъ иногда (постѣдній въ особенности) въ грезахъ поэтовъ. Но въ рабочихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ нашихъ ученыхъ они, кажется,—очень рѣдкіе гости, и чуть-ли не совѣтъ чужды убѣжденіямъ такъ называемаго „широкаго круга“ нашей интеллигенціи, мало склонной къ устойчивому пребыванію въ холодныхъ высотахъ принципиальнаго отвлеченнаго мышленія.

Наоборотъ, у насъ въ большемъ ходу думы и рѣчи о нравственыхъ вопросахъ, общихъ и частныхъ. Но какими бы позитивистами, эволюционистами, гуманистами и секуляристами мы себя ни считали, у насъ вовсе не наблюдаетсяъ практическихъ попытокъ выразить итоги всѣхъ этихъ убѣжденій въ опредѣленныхъ и постѣдовательныхъ формахъ. Если судить по вѣшнимъ признакамъ, можно было бы думать, что въ невѣрїи мы значительно радикальнѣе нашихъ западныхъ предшественниковъ и наставниковъ: полумѣръ, реформъ, усовершенствованій христіанства и замѣлъ его новыми этиками и религіями, имя которымъ (хотя бы только на бумагѣ!) на Западѣ—уже легионы, мы не особенно жалуемъ, и неосторожный девизъ „либо все, либо ничего!“, кажется, въ одинаковой степени въ ходу у нашихъ ревнителей и вѣры и невѣрія. Но эта обильная рѣшительность и догматичность русской безрелигіозности свидѣтельствуешь, въ силу вышеуказаннаго, не столько объ ея глубинѣ, сколько объ ея поверхностномъ характерѣ.

Если отъ разсмотрѣнія особенностей современнаго невѣрія мы перейдемъ къ выясненію его причинъ, окажется, что и въ этомъ отношеніи обстоятельства складываются не въ пользу русскаго общества. Рационалистическія основанія къ невѣрїю представлены у насъ, какъ сказано, сравнительно слабо; но вѣдь рационализмъ, въ смыслѣ противоположности религіозной вѣрѣ, вообще лишь сравнительно рѣдко имѣеть

своимъ истощенкомъ побужденія *чисто-разсудочнаго* свойства несравненно чаще послѣднія только оправдываютъ и завершаютъ *склонности*, исходящія изъ мотивовъ *практическаго* свойства, нравственныхъ, а иногда, къ несчастью, ... и неправственныхъ, чтобы не сказать безнравственныхъ. Вотъ главныя изъ практическихъ побужденій, сюда относящихся, по схемѣ Гаррисона: соблазны вещественныхъ и чувственныхъ благъ и наслажденій, пониженіе спроса на величавое и возвышенное, но трудно достигаемое, словомъ,—*нисхождение*, *вмѣсто восхожденія*, убыль души, свѣтлая сущность и *практическій материализмъ*; даѣе—*недовольство* общественными условіями существованія и, въ результатъ, — *пессимизмъ*; затѣмъ—нежеланіе подчиняться нравственнымъ ограниченіямъ, то есть, *личное бунтарство*, и, наконецъ,—протестъ противъ установившагося строя общества, *революціонизмъ*. Въ итогъ же—*недовольство мірою и жизнепорядкомъ*, при противоположномъ этому чувству *довольства самимъ собою*, точнѣе—*самонисхожденіе* или, переводя на христіанскую терминологию, *недостатокъ смиренія*. Переходя отъ частнаго къ общему, отъ ближайшихъ причинъ къ отдаленнѣйшимъ и кончая первопричиною міра и жизни, сочетаніе перечисленныхъ настроеній, независимо отъ какихъ либо раціоналистическихъ, философскихъ или научныхъ основаній, подданывость религіозную вѣру и приводитъ не столько умъ, сколько сердца людей, такъ настроенныхъ, уже къ полному атеизму¹⁾.

Если это опредѣленіе практическихъ побужденій къ невѣрію точно, скажите: гдѣ, какъ не у насъ, бѣльшая часть этихъ мотивовъ выражены столь ярко и болѣзненно? гдѣ столько глубокихъ, томительно-длительныхъ причинъ и столько палѣтыхъ, добавочныхъ, острыхъ поводовъ къ пессимизму и революціонизму?.. Въ этой трагедіи русской души могъ бы, на первый взглядъ, казаться хотя нѣкоторымъ уснокоеіемъ фактъ преобладанія временныхъ и мѣстныхъ практическихъ поводовъ къ религіозному и нравственному сомнѣнію и невѣрію надъ факторами постоянными и всеобщими. Но мы уже видѣли, что какъ-разъ принципиальное сомнѣніе и отрицаніе у насъ сравнительно слабо, не потому, чтобы мы уже превозмогли его, а потому, что мы еще

¹⁾ Harrison, 47, 67, 69.

мало его переживали, еще недостаточно ощущались въ этомъ огнѣ духовнаго искушенія вѣры, надежды и любви. Наблюденіе надъ современною жизнью заставляетъ однако признать, что поступательный ходъ развитія и нашего религіознаго невѣрія повсюду направляется именно въ эту принципиальную сторону. Сосредоточимъ же наше вниманіе на одномъ изъ ея проявленій, наиболѣе распространенномъ и вліятельномъ.

II.

Западные наблюдатели единодушно констатируютъ, что со второй половины XIX вѣка, и особенно въ его послѣднюю четверть, характерныя черты иррелигіозности замѣтно измѣнились, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, быть можетъ, къ лучшему, но въ общемъ—въ болѣе опасномъ для религіи направленіи. „Невѣріе“, говоритъ глостерскій епископъ Элликотъ, „усвоило себѣ болѣе выдержанный и болѣе серьезный характеръ. Еще недавно тонъ его былъ отталкивающе задорный и рѣзкій, его нападки на противниковъ гнѣвны и насмѣшливы, оцѣнка глубочайшихъ вопросовъ и конечныхъ интересовъ человѣческаго духа—совѣмъ слабая. Невѣріе стремилось тогда исключительно къ разрушенію, безъ всякой мысли о послѣдующемъ пересозданіи уничтоженнаго. Скептицизмъ недавняго прошлаго былъ отрицательнымъ во всѣхъ смыслахъ: онъ не искалъ никакихъ проблемъ, не интересовался никакими спеціальными теоріями: у него была одна задача—доказать, что общепринятое не стоитъ довѣрія. И эту отвѣтственную, труднѣйшую задачу прежнее сомнѣніе выполняло съ изумительнымъ легкомысліемъ и самыми поверхностными приемами исторической критики и столь же слабого философскаго анализа. Теперешнее невѣріе—совѣмъ иного рода: оно много приличнѣе по общему тону и несравненно серьезнѣе: оно претендуетъ принимать во вниманіе важнѣйшіе вопросы и давать на нихъ отвѣты въ предѣлахъ всего познаваемаго, а за границами его доказываетъ невозможность вообще какихъ бы то ни было отвѣтовъ... Все болѣе и болѣе ссылается оно на результаты научныхъ изслѣдованій, на естественныя законы, клонящіяся будто бы къ устраниенію сверхъестественнаго начала“¹⁾.

¹⁾ Ellicot. (Bishop of Gloster). *Modern Unbelief, its Principles and Characteristics*. London, 1893, p. 6—8; 17.

Вотъ эту-то послѣднюю черту, *сосредоточеніе на научныхъ основаніяхъ* и должно признать самой существенной и наиболѣе характерной чертой повѣйнаго, современнаго намъ невѣрія, той чертой, на которой и мы сосредоточимъ наше вниманіе въ настоящей статьѣ.

Претензія научности у противниковъ вѣры родилась, впрочемъ, не за послѣдніе только года. Уже въ предисловіи къ 1-му изданію „Kraft und Stoff“, (въ 1855 г.) Бюхнеръ писалъ, что система излагаемаго имъ матеріалистическаго атеизма поконтра „не на пустыхъ мечтаніяхъ старой, осмѣянной натурфилософіи, самое названіе коей стало у естествоиспытателей браннымъ словомъ, а на реальныхъ фактахъ природовѣдѣнія, этой основы всякой претендующей на точность философіи“ ¹⁾. Черезъ 28 лѣтъ, въ предисловіи къ 15-му изданію своей книги, признавая съ досадою „всеобщую реакцію и регрессъ“, будто бы охватившіе общество, Бюхнеръ утверждаетъ тѣмъ не менѣе, что религіозное отрицаніе получило за этотъ періодъ огромную поддержку со стороны естественныхъ наукъ, такъ какъ „каждое пріобрѣтеніе науки даетъ только этотъ (отрицательный) отвѣтъ и изводитъ старое, въ дѣтскую пору человечества возникшее тенетическое міровоззрѣніе до значенія сказочной грезы прошлаго“ ²⁾.

Въ томъ же 1883 году главный тогдашній чемпионъ невѣрія въ Англіи Джонъ Брэдлоу, вызывая тенетовъ, какъ онъ выражался, „на смертный бой съ атеистами“, такъ обосновывалъ надежды на полученіе „добѣдныхъ лавровъ“ послѣдними: „сила религіозной вѣры пропорціональна недостаточности научнаго знанія въ вѣрующемъ: чѣмъ невѣжественнѣе онъ, тѣмъ болѣе онъ вѣритъ. Вѣра въ Бога не основана на разумѣ; тенизмъ лишентъ логики, и даже—хуже того!—ему *ничего* учить! въ немъ нѣтъ *ничего* *реальнаго!*“ ³⁾. Другой, болѣе умѣренный вольнодумецъ, Уотсъ (Watts) подтверждалъ, что „невѣріе становится все глубже, сообразно съ ростомъ знанія“ ⁴⁾. То же самое вѣщаютъ нѣмецкіе по-

1) Büchner. Kraft und Stoff. 15 Aufl. Leipzig, 1883. Vorwort zur 1 Aufl. XX, XXI.

2) Idem. Vorwort zur 15 Aufl. XVIII—XXVI.

3) Bradlaugh. A Plea for Atheism. 25-th thousand. London, 1883, 21, 20.

4) Ch. Watts. The Glory of Unbelief. 2 edit. Toronto, S. an.; p. 8.

пуляризаторы невѣрія: „христіанское ученіе о Богѣ и божественномъ міропорядкѣ пошатнулось главнымъ образомъ развитіемъ естественныхъ наукъ“, пишетъ Штеккеръ ¹⁾. „Прогрессъ естествознанія“, замѣчаетъ Гейпль въ своихъ „Прогулкахъ атеиста“, „превозмогъ многобожіе...: дальнѣйшее познаніе природы уничтожитъ и единого Бога; атеизмъ станетъ конечнымъ завершеніемъ великаго всемірнаго процесса развитія высшаго просвѣщенія“ ²⁾. Въ книгѣ Шпехта „Богословіе и Наука“, предназначенной, по рѣшенію вольнодумной прессы, „стать для народа сокровищницею здраваго смысла, способною замѣнить цѣлую бібліотеку спеціальныхъ учебныхъ сочиненій“ ³⁾, задачей науки выставляется „опроверженіе вѣры, какъ опаснѣйшаго врага науки, и проповѣдь научнаго атеизма, въ которомъ (будто бы) единственное спасеніе человѣчества“ ⁴⁾.

Тѣ же обоснованія невѣрія находимъ у многочисленныхъ представителей серьезнаго знанія въ сравнительно недавнюю пору. „Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ научныхъ открытій“, писалъ въ 70-хъ годахъ XIX вѣка извѣстный американскій мыслитель Фиске, „явилась могучая революція въ области человѣческой мысли. Освященныя временемъ вѣрованія теряютъ власть надъ людьми... Рѣчь идетъ уже не о вопросахъ герменевтики, не о борьбѣ между отвлеченными догматами соперничающихъ церквей: самая сущность религіи призывается къ предъявленію своихъ основаній для нашего согласія съ нею“ ⁵⁾. „Возникъ“, по выраженію извѣстнаго естествоиспытателя Ромэна, „ловый судъ; научный, въ которомъ усматриваютъ соперника старому, религіозному... и чаша вѣсовъ все болѣе склоняется на сторону естествознанія“ ⁶⁾. Въ 1886 году Гёкелъ, любившій развлекаться

¹⁾ Stecker. Welt und Menschheit. Leipzig. 1892. 129.

²⁾ Heigl. Spaziergänge eines Atheisten. Ein Pfadweiser zur Erkenntniss der Wahrheit. 6 Aufl. Bamberg; s. an. (189.), 70.

³⁾ Specht. Theologie und Wissenschaft, oder alte und neue Weltanschauung. 4 Aufl. Gotha, 1893. Urtheile der Presse впереди книги.

⁴⁾ Idem. VII: 1; 86; 87.

⁵⁾ Fiske. The Idea of God, as affected by Modern Knowledge. 14-th Thoul. Boston, 1893. 58, 59.

⁶⁾ Изъ посмертно изданной статьи Ромэна о вліявіи естествознанія на религію въ Gedanken über Religion von G. J. Romanes. übersetzt von: Dennert. nach der 7 engl. Auflage. Göttingen, 1899, 30.

постъ ученыхъ трудовъ полемическими турширами въ области религіозной критики, восклицалъ: „низверженіе въ прахъ богословы валяются вокругъ колыбели каждой науки, подобно змѣямъ, задунешнымъ Геккулесомъ... правобѣрие принуждено отступать, окровавленное, разбитое, израженное, если еще не совсемъ убитое и уничтоженное“. 1) „Сомнѣніе“, заключаетъ онъ, „сомнѣіе есть величайшая изъ обязанностей: стѣнная вѣра—единственный, непростительный и непрощаемый грѣхъ!“ 2). Черезъ тридцать лѣтъ то же самое слышимъ отъ Геккеля: „вѣроисповѣданіе естествознанія должно стать разумнымъ міровоззрѣніемъ, призваннымъ замѣнить собою все противоразумныя догматы и религіозныя откровенія“ 3). „Свое твердое основаніе оно имѣетъ *исключительно въ научномъ познаніи*“ 4).

Въ результатъ, по замѣчанію извѣстнаго ботаника Франца Франсэ, „одни тайно, а другіе явно считаютъ естествознаніе за антихриста, отъ котораго ждуть разгрома вѣры“ 5). По мнѣнію П. Каруса, разгромъ уже совершился: „наука подорвала нашу религіозную вѣру, и передъ критическимъ анализомъ догматы наши въ прахъ“ 6). „Колоссальная гипертрофія научнаго духа вызвала соответствующую атрофію вѣры“ 7).

Но, какъ замѣчаетъ физикъ Гюставъ Лебонъ, „никакая цивилизація не можетъ жить безъ идеаловъ: гибнуція ученія должны быть замѣняемы... и новое объединеніе міровыхъ явленій выйдетъ, несомнѣнно, изъ нашихъ лабораторій. Въ этихъ храмахъ чистой науки разоблачаются тайны, которыхъ намъ не открыли боги древнихъ временъ. И вотъ почему *вѣра въ могущество науки стала нашимъ послѣднимъ вѣроученіемъ*. Очевидно, мы уже ничего не можемъ ни понимать, ни знать, ни предвидѣть безъ нея... Положимъ, эта расту-

1) Huxley. The Origin of Species въ его Lay Sermons, Essays and Reviews. London, 1906, 242.

2) On Improving Natural Knowledge. Ibid. p. 15—16.

3) Haeckel. Der Monismus als Band zwischen Religion und Wissenschaft. 6 Aufl. Bonn, 1893, 7—8; 27.

4) Геккель. Союзъ монистовъ. С.П.Б. 1907, 57.

5) R. Francé. Der Werth der Wissenschaft. 2 Aufl. Dresden, 1906, 33.

6) P. Carus. Homilies of Science, Chicago, 1892, 5.

7) Le Dantec у Charpin. La Question Religieuse, 74.

ная богиня еще едва выходитъ изъ сумрака предшествовавшаго ея рожденію: но зданіе точнаго и достовѣрнаго не создается въ одинъ день“¹⁾.

Таковы признанія и мелкихъ застрѣльщиковъ современнаго невѣрія, и его серьезныхъ, дѣйствительно ученыхъ представителей. Эти отзывы о рѣшающемъ для склонныхъ къ невѣрью значеніи научныхъ мотивовъ вполнѣ подтверждаются и съ противоположной стороны, повѣйшими апологетами вѣры и религій. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, перворазрядный геологъ и минерологъ, академикъ Ланпаранъ: „изъ вѣхъ аргументовъ, которыми теперь стараются поколебать религіозныя вѣрованія, нѣтъ ни одного, чей кредитъ былъ бы лучше обезпеченъ среди широкаго круга общества, чѣмъ утвержденія во имя науки. Достаточно произнести это магическое слово, чтобы пробудить почтеніе, почти соприкасающееся съ суевѣріемъ, и это почтеніе становится уже совѣмъ безграничнымъ, когда къ слову „наука“ можно добавить эпитетъ „математическая“... „Если какимъ либо возраженіемъ удастся облечься или будто бы облечься въ эту сакраментальную формулу, большинство склонно уже считать ихъ неподлежащими оспариванію, и законы этого рода, въ умахъ вѣрующихъ въ нихъ, должны, съ одинаковою силою, быть обязательными настолько же для самого Творца всемогущаго, насколько и для смиреннѣйшаго изъ смертныхъ. Отсюда до мысли о ненужности и бесполезности этого всемогущества—всего одинъ шагъ, и многіе не колеблются его сдѣлать“²⁾.—„Суевѣрное почтеніе къ наукѣ“, шипеть Люсьенъ Руръ, „уже превратилось въ своего рода фетишизмъ: наукѣ приписываютъ неограниченную способность къ безконечнымъ открытіямъ: думаютъ, что, мало по малу, вся истина окажется въ ея власти“, и, въ связи съ такою вѣрою во всемогущество знанія, „все, недоступное обычнымъ способамъ разслѣдованія, все сверхразумное, все таинственное становится подозрительнымъ“ или отрицается³⁾.

Когда-то Ог. Контъ возвелъ идею человечества въ санъ

1) G. Le Bon. L' Evolution de la matière. Paris, 1896, 1—2. Préface de la 12-e édition.

2) De Lapparant. Science et Apologétique. 7 édition. Paris. 1908. p. 5—6.

3) L. Roure. En face du fait religieux. Paris. 1908, 3—4.

„Великаго Фетинна“; на нашихъ глазахъ мѣсто этого кумпра занялъ новый—Наука. Подобострастное, безпредѣльное преклоненіе передъ нимъ, говорить Лаппаранъ, особенно сильно среди людей, никогда самостоятельно и не вступавшихъ въ область науки ¹⁾. Боннье и Брюнетьеръ обратили вниманіе на то, что уже въ пятидесятихъ годахъ XIX вѣка, „какъ плодъ позитивистической доктрины, сталъ выясняться знаменательный фактъ новѣйшей культуры—обогащеніе науки, ставшей новою *религіей буржуазіи*, вѣрой только фактамъ. Это—религія результатовъ... Наука должна была обезпечить навсегда за буржуазіей ея побѣду. И вотъ, либеральная партія, превратившаяся въ республиканскую, оповѣщаетъ о своемъ благоговѣніи передъ наукою. „Осазна!“²⁾, возглашенная ей Репаномъ въ его книжѣ „Будущность науки“, соответствовала, какъ нельзя лучше, этому общему настроенію: наконецъ-то добрались до пристани, наконецъ-то создали и „свою“ религію!“ ³⁾ „Наука“, выражаясь словами одного англійскаго вольнодумца, „стала „ставою въ вышнихъ“ общедоступнаго здраваго смысла“ ⁴⁾.

Къ несчастью, уровень послѣдняго въ предѣлахъ буржуазнаго либерализма оказался, по отзывамъ самихъ „прогрессистовъ“, очень не высокаго качества: дешевый либерализмъ, замѣчаетъ П. Карусъ, ухватился за науку прежде всего какъ за освободительницу отъ разныхъ стѣпеній свободы; но „одна свобода еще не создаетъ просвѣщенія! наоборотъ, просвѣщеніе рождаетъ свободу; нѣтъ свободы безъ *всесторонняго* просвѣщенія“ ⁴⁾, и притомъ не разрушающаго только, но и *созидающаго*. Либеральное же вольнодумство, очищая, при помощи науки, область религіи отъ мусора

¹⁾ Lapparant, 5.

²⁾ F. Brunetière. La renaissance de l'idéalisme въ Discours de combat, 1-re série 13 édit. 1906, 11—12. Note. Въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ подтверждаетъ извѣстный историкъ философіи Штёкль мнѣніе объ органической связи буржуазнаго либерализма съ атеистическою тенденціей. Stöckl. Der moderne Liberalismus und dessen atheistischer Charakter. Philosophische Studie. Frankfurt a. M. 1896.

³⁾ R. Lewins. Humanism versus Theism, or Solipsism (Egotism)=Atheism London, 1887, 12.

⁴⁾ P. Carus. The Liberal's Folly и Superstition in Religion and Science въ Homilies of Science. Chicago, 1892, 195 sq., 206 sq.

долгихъ вѣковъ, выметало прочь и жемчужины вѣщной сокровищницы духа. За этимъ процессомъ даже и не замѣтили, какъ въ оцуществившемъ храмѣ души, на смѣну суевѣрій религіозныхъ, уживавшихся рядомъ съ чистою вѣрою, вселится печальный духъ суевѣрій моральныхъ и научныхъ. Стало сбываться уже на нашихъ глазахъ предсказаніе одного нѣмецкаго мыслителя: „ослѣпелый ненавистью къ Логосу либерализмъ не видитъ и не подозрѣваетъ, что поощряемые имъ матеріализмъ, натурализмъ, детерминизмъ, скептицизмъ и пессимизмъ готовятъ могилу самому либерализму, въ которую и низвергнетъ его воспитавшійся на его безрелигіозномъ міровоззрѣніи пролетаріатъ“¹⁾.

Обмірненіе (лаицизація) школы во Франціи было практическимъ отвѣтомъ на эту тенденцію, отвѣтомъ настолько легкомысленнымъ, насколько разрушительнымъ, какъ это едва начинаютъ сознавать теперь только нѣкоторые изъ либераловъ. „Слѣдовало воздвигать школу рядомъ съ Церковью“, замѣчаетъ Ж. Рейнахъ: „а ее захотѣли строить на развалинахъ Церкви; и вотъ, мы еще далеко не расплатились за послѣдствія этого рокового мѣропріятія“²⁾, дѣйствительно рокового, фатальнаго, неизбежнаго завершения предшествующаго настроенія вождей общественной жизни, какъ указываетъ совершенно правильно Жоржъ Гойо: „разслабленіе общественное выразилось въ либерализмъ, а злоупотребленіе либерализмомъ—въ яacobинизмъ, какъ доктринъ, такъ и методовъ дѣйствія: то и другое привело государство къ отождествленію себя съ одною опредѣленною партіей, а далѣе—къ вмѣшательству въ область совѣсти и, наконецъ, къ предписанію извѣстнаго символа вѣры или, лучше сказать, противу-символа“³⁾. По словамъ одного изъ главныхъ его творцовъ, Поля Бэра, „новая школа должна стать для насъ тѣмъ, чѣмъ, въ вѣка вѣры, была для нашихъ отцовъ Церковь. Школа есть символъ науки, царицы нашего времени, при свѣтѣ которой человекъ изслѣдуетъ всѣ силы природы, пользуется и владѣетъ ими и, при помощи ихъ,

1) Siegfried y O. Praecursor. Götzengericht. Eine Anklage der Naturwissenschaft. Leipzig, 1907, 11.

2) Joseph Reinach. Histoire d' un idéal, приведено у G. Goyau. Autour du Catholicisme Social. 1-re série. Paris, 204—4. Note.

3) G. Goyau. I. с.

улучшаетъ и украшаетъ свое земное существованіе, то есть, реальную, осязательную жизнь. Наоборотъ, Церковь—царица мрачныхъ, минувшихъ временъ: это—символь вѣры, припнжающей жизнь до юдоли искутаній и страданій, до подготовы къ небеснымъ наградамъ, вѣры, превращающей жизнь въ смерть, въ отчаянную пляску скелетовъ“ 1). Совершенно въ сходныхъ выраженіяхъ говорили о несогласности научнаго образованія и восштанія съ религіознымъ нѣмецкіе ревнители свѣтской школы, объявлявшие непримиримыми два враждебныхъ міра, знанія и вѣры, и требовавшие замѣны догматовъ религіозныхъ выводовъ изъ изслѣдованій науки 2). Какъ много рѣшительнаго и рѣзкаго добавила къ этимъ требованіямъ педагогическая пропаганда социалистовъ, достаточно хорошо извѣстно 3).

Другимъ проводникомъ тѣхъ же воззрѣній въ широкій кругъ общества ередней степени развитія является второразрядная беллетристическая, а также журнальная и газетная литература, посредственная въ художественномъ смыслѣ, соевѣмъ ничтожная въ научномъ отношеніи, и однако очень вліятельная по умѣнью приспособляться къ невысокому интеллектуальному уровню большинства читателей. Сложныя и перѣдко неясныя думы выдающихся художниковъ и писателей конца XIX вѣка предстаютъ здѣсь въ упрощенной формѣ, въ которой трудно-уловимый обликъ современнаго сомнѣнія и отрицанія принимаетъ болѣе грубую, но зато болѣе самоувѣренныя черты. Вотъ какъ характеризуетъ главныя антирелигіозныя теченія мысли этой литературы Эрнхъ

1) Рѣчь П. Вэра, на банкетѣ въ честь его, передъ французскими учителями и учительницами у Zillesen. Die Unvereinbarkeit der modernen Weltanschauung mit der christlichen. Berlin, 1893, 3.

2) Zillesen, 4—6, по Paedagogische Zeitung, 30 Іюня 1892; по протоколамъ засѣданій IX Германскаго Съѣзда Учителей и XXX Всеобщаго Собранія учителей въ Лейпцигѣ въ 1893 г. и Мангеймскаго Съѣзда 1891 г.—Во французскихъ начальныхъ школахъ, въ награду ученикамъ, раздается „Республиканскій Катехизисъ“, въ которомъ крайніе выводы материалистическаго атеизма возводятся въ „последнее слово точной наукъ“. Guibert. Les Croyaances religieuses et les Sciences de la nature. 3 édit. Paris, 1909, 24—25

3) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ моей книжкѣ „Отношеніе социализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности“. 2 изд. Москва, 1909.

Фёрстеръ въ своемъ превосходномъ этюдѣ о „Христіанствѣ нашихъ современниковъ“:

„Исходная точка здѣсь у всѣхъ—сознаніе могущества современнаго человѣка, вызванное изумительнымъ ростомъ культуры послѣдняго столѣтія. Отсюда—радостное и гордое, по-сю-стороннее настроеніе, которому претитъ каждый намекъ на тѣневныя стороны этой культуры, на относительность познавательныхъ силъ человѣческаго ума, на мимолѣтность земныхъ благъ, на потребность человѣческой личности въ искупленіи. А такъ какъ все указанное, несомнѣнно,—положенія христіанскія, то этимъ способомъ создается основная противоположность и самому христіанству. Опорою и здѣсь религіозному отрицанію является будто-бы наука. Основую современной науки считается эмпирическій методъ, доказательства изъ наблюденія и опыта, въ силу чего реально будто-бы лишь одно то, что постигается разумомъ, на основаніи данныхъ чувствъ. Но такъ какъ, говорятъ, благо христіанское сверхчувственно, и христіанствомъ за реальное почитаются вещи сверхземныя, то все это отбрасывается, въ качествѣ фантазіи, либо обмана, или же, пербѣдко, выводится изъ низменныхъ мотивовъ, изъ страха или жажды наживы. Современная наука, говорится здѣсь, это—естествознаніе, дарвинизмъ, теорія развитія. Съ наивно-бездоказательнымъ довѣріемъ гипотезы послѣдней переносятъ на человѣка: и онъ—только извѣстная стадія общей эволюціи, случайный продуктъ соотношеній силъ природы, безъ какой либо особой, ему свойственной цѣнности. А такъ какъ христіанство дѣлаетъ человѣка властителемъ всего и возноситъ его личность выше природы и исторической причинности, то такой взглядъ представляется (ранѣе очерченному міровоззрѣнію) центромъ всѣхъ заблужденій, какъ самопревознесеніе человѣка надъ космическимъ цѣлымъ.—Далѣе, современная наука признаетъ только относительныя истины. Это положеніе утрируютъ до вывода, будто абсолютной истины и вообще быть не можетъ. Такимъ образомъ претензія религіи на общеобязательность ея Откровенія вычеркивается. Наконецъ, предыдущіе выводы примѣняются и къ нравственности: и она, говорятъ,—продуктъ природы, подчиненный, какъ все остальное, переходу и перемѣнамъ: да и сама нравственность христіанская—не божье, какъ одна изъ формъ морали въ ряду разныхъ

ныхъ, и притомъ—едва ли лучшая, во всякомъ случаѣ—необязательная въ своихъ религіозныхъ основахъ для правдивейшей жизни вообще“¹⁾.

Эти, вѣрно охарактеризованныя убѣжденія или, скорѣе, настроенія умовъ и чувствъ, говоритъ одинъ французскій апологетъ, „съ ужасающею быстротою“ начинаютъ развиваться уже не въ одной средней части общества, но и въ народѣ. Въ Англіи, по словамъ повѣрнаго наблюдателя, „множество рабочихъ принуждены, волей — неволей, ежедневно выслушивать громогласныхъ, невѣжественныхъ атеистовъ, агрессивно расточающихъ цѣлый потокъ вымысловъ, нецѣлительныхъ и кощунствъ противъ религіи“²⁾, тогда какъ во Франціи пререлигіозная пресса внушаетъ, въ качествѣ аксіомы, несогласность науки съ религіей и увѣряетъ, что „вторая убита первой“³⁾. „Уже и по мнѣнію простодушна“ (подтверждаетъ третій свидѣтель) естествознаніе— вотъ что сталкивается съ религіозными вѣрованіями“⁴⁾.

Само собою понятно, столкновение это не глубоко обосновано: „Непосредственно къ самому научному началу и къ методамъ изслѣдованія интересъ не великъ: его даже мало понимаютъ“. Цѣннѣе науку въ этихъ практически настроенныхъ кругахъ, главнымъ образомъ, по соображеніямъ также узко-практическимъ. „Новое естествознаніе“, толкуютъ здѣсь, „вызвало кучу изобрѣтеній: технику, промышленностью и торговлею оно преобразило весь трудовой и бытовой процессъ народной жизни, замѣнило человѣческую силу силами природы, защитило людей и животныхъ отъ болѣзней, словомъ— наука явилась благодѣтельницею нашего вѣка; и вотъ за это-то все ея рѣчи и ученія современное человѣчество принимаетъ съ неограниченною вѣрою: у нея-де волшебный ключъ, раскрывающій все тайны, все міровыя загадки“⁵⁾.

Было бы близоруко приписывать весь очерченный строй

1) Fr. Foerster. Das Christenthum der Zeitgenossen въ Zeitschrift für Theologie und Kirche. IX Jahrgang, 1 Heft. Freiburg i. B. 1899, 66—67.

2) Christholm Robertson. Modern Infidelity exposed. London, s. an. (1906) p. 8.

3) Courbet. Introduction scientifique à la foi chretienne. Nouv. edit. Paris, 1903, 3.

4) Guibert, 2.

5) W. Ernst. Aufgabe und Arbeitmethode der Apologetik für die Gegenwart. Berlin, 1908, 8—9.

мыслей вліянію одной вышней пропаганды: перемена, въ значительной степени, совершилась сама собою, подъ вліяніемъ впечатлѣній и размысленій, павѣваемыхъ рабочему городекому, фабричному и заводскому люду окружающею его „дѣловой“ средою. Тасфаргъ въ одной изъ своихъ статей и Гюрэ въ „Enquête sociale“ очень мѣткими штрихами изображаютъ, какъ непрерывное, изо дня въ день продолжающееся общеніе рабочаго съ машинами, покорно исполняющими практической урокъ, заданный имъ ученою мыслью, и достигающими, по ея предначертаніямъ, результатовъ, кажущихся прямо чудесными, заставляетъ ближайшихъ участниковъ въ такомъ трудѣ проникаться съ одной стороны—сознаніемъ величія естественныхъ силъ и ресурсовъ природы, съ другой—увѣренностью въ возможности ихъ целесообразной регуляціи наукою и техникою, и наконецъ, съ третьей—убѣжденіемъ въ ненужности, въ излишнествѣ какого либо сверхъестественнаго и сверхчеловѣческаго начала. „Въ проявленіяхъ небывалой, невиданной досель техники“, замѣчаетъ лучший наблюдатель нравственно-религіознаго настроенія нѣмецкихъ рабочихъ массъ, Раде, „наука даетъ такое доказательство своей мощи, убѣдительности коего не можетъ не признать даже самый ограниченный и огрубѣлый умъ“ 1).

Такое общедоступное, утилитарное примѣненіе научнаго процесса къ практическимъ изобрѣтеніямъ, говоритъ Бонгамъ,—вотъ что открыло для научной физической философіи доступъ въ сердца современныхъ дѣльцовъ и ихъ невольныхъ спутниковъ — рабочихъ. Пропорціоально этому, стало уменьшаться и, наконецъ, почти совсѣмъ атрафировалось въ той же средѣ благоговѣйное почтеніе къ шнѣмъ, чувственно-неудовимымъ идеаламъ, къ идеалу религіозному но преимуществу 2). И такъ велико оказалось обаяніе этого научно-утилитарнаго прогресса, что оно заражаетъ собою даже церковныхъ западныхъ дѣятелей: аббатъ Сетті на одномъ изъ конгрессовъ „Христіанской Демократіи“ привѣтствуетъ отъ лица Церкви широкое развитіе машиннаго труда

1) Rade. Die Religion im modernen Geistesleben. Freiburg i. B., 1898, 21; сходно—Resch. Religion und Wissenschaft; Kirche und Schule. Leipzig, 1908, 2.

2) Bonham. Secularism, its Progress and its Morals. New-York. 1894, 39 and pass.

и изумительныя побѣды техники надъ матеріей, видя въ этомъ „средство приблизить людей къ Богу“ ¹⁾, тогда какъ извѣстный американскій кардиналъ-прогрессистъ Эйрлендъ, воспѣвши на Парижской Выставѣ „всемирное побѣдоносное триумфальное шествіе торговли на благо религіи и христіанской цивилизаціи“, мечтаетъ о томъ, чтобы „направить паръ и электричество на службу благодати Божіей!“ ²⁾... И это—несмотря на сознаніе, что „намъ, людямъ современнымъ, матеріальное стало важнѣйшимъ и высшимъ въ жизни“ ³⁾, что, по признанію одного изъ лучшихъ руководителей американскаго „Этическаго движенія“, Шельдона, „мы становимся матеріалистами даже противъ собственной воли: чѣмъ больше погружаемся мы въ борьбу за хлѣбъ и имущество, тѣмъ менѣе задумываемся мы надъ смысломъ человѣческаго назначенія, тѣмъ болѣе вымираетъ въ насъ душа!“ ⁴⁾...

Относительно главнаго очага рабочаго движенія—Германіи изслѣдователь невѣрія въ высшихъ классахъ общества Штудемундъ констатируетъ, что среди нихъ авторитетъ Библіи уже очень расшатанъ, въ силу мнѣнія, будто наука опровергла исторію творенія, а вѣру въ чудеса сдѣлала неммыслимою. Въ особенности въ социалдемократическихъ кругахъ распространено величайшее почтеніе къ наукѣ, если она только носитъ матеріалистическую и социалистическую окраску, такъ какъ всякая иная наука здѣсь презирается подъ предлогомъ ея угожденія и подслуживанія классовымъ интересамъ ⁵⁾. Пропагандистамъ невѣрія еще не удалось пока внушить всеобщей неувѣрности къ Библіи въ рабочей средѣ; но подорвать ея авторитетъ съ будто-бы научной стороны они успѣли уже въ немалой степени. Если такія грубыя проваженія, какъ „Библія въ карманѣ рабочей

¹⁾ 1-r Congrès de la Démocratie chrétienne. Lyon, 1896, 130.

²⁾ Mgr. Ireland. L'Eglise et le Siècle. Conférences et Discours. 8 édit. Paris, 1894, 185; 171.

³⁾ Ireland, op. cit., p. 202—3.

⁴⁾ Sheldon. What does it mean to be religious and What is Religion? въ Ethical Adresses: 1 Series № 3. Philadelphia, 1894, p. 52. „Факты, данная внѣшняго опыта—вотъ что вызываетъ признаніе, довѣріе, вѣру; идеалы же обезцвѣиваются, а съ упадкомъ ихъ понижается и внутренняя жизнь“. Resch. Religion u. Wissenschaft. Leipzig, 1908, 2.

⁵⁾ W. Studemund. Der Unglaube in den unteren Ständen. Schwerin i. M., 1901, 31—32.

блуды“ Балдуина Гейберманна и его же объемистая книга о Библии въ томъ же духѣ, сравнительно мало привлекли, то книжка „Моисей или Дарвинъ“ Дюрингскаго профессора Доделя, несомнѣнно, оказала широкое вліяніе на нѣмецкихъ рабочихъ. Это, для патентованнаго умнаго непозволительно поверхностное, произведеніе фанатика-дарвиниста, зная не хотящаго многочисленныхъ ограниченій и отличій своей излюбленной теоріи столькими солидными знатоками дѣла, сыграло въ рабочей средѣ роль сходную съ тою, которая выпала на долю Бюхнера „Kraft und Stoff“ въ подубразованномъ, среднемъ слоѣ общества 1).

Какъ бы то ни было, по мнѣнію близкихъ къ дѣлу наблюдателей, въ Германіи уже „безчисленное количество рабочихъ считаютъ научно доказаннымъ, что міръ не Богомъ сотворенъ, а развивался постепенно, въ миліоны лѣтъ, и что животное происхожденіе человѣка вполне доказано естествознаніемъ“ 2). Опросъ Раде даетъ намъ многочисленныя отвѣты рабочихъ на вопросъ о бытіи Бога въ такомъ родѣ: „Богъ невозможенъ“; „Онъ—немыслимъ, какъ нѣчто реальное“; „мой богъ—природа съ ея собственнымъ, желѣзнымъ закономъ и вѣчнымъ круговоротомъ“; „Бога въ природѣ я не знаю; знаю одну физическую силу сохраненія и развитія организмовъ на землѣ и въ другихъ мірахъ“... Въмѣсто доказательствъ подобныхъ положеній, слышимъ постоянно принципъ: „естествознаніе не открыло, не обнаружило Бога: следовательно,—Его и нѣтъ!“ 3).

По деревнямъ и селамъ даже и въ Германіи еще мало интересуются тѣми религіозными вопросами, которые наиболѣе приближаютъ къ научному сомнѣнію, напримѣръ, о твореніи, о чудесахъ. Однако уже и въ крестьянскую среду вкрадывается мысль о несогласности ученія Церкви съ выводами естествознанія 4); и если, по наблюденіямъ и опросамъ Гебгардта, атенсты въ селахъ еще очень немногочис-

1) Dodel, Moses oder Darwin? О вліяніи книжки—Rade въ Verhandlungen des IX evangelisch—sozialen Kongresses; Studemund, 32—35 и Dennert. Der Darwinismus und sein Einfluss auf die heutige Volksbewegung.

2) Studemund, 38 и Rade, op. cit.

3) Studemund, 39. Lorenz. Religion und Sozialdemokratie, 10.

4) Studemund, 35.

ленны, тѣмъ не менѣе количество ихъ замѣтно растетъ, и притомъ довольно быстро, такъ, что и среди крестьянъ уже приходится слышать такія мнѣнія: „все дѣлается природа“: „все создается и мигуетъ само собою“: „ничего сверхчужденнаго, невидимаго, духовнаго нѣтъ“¹⁾.

Владиміръ Кожевниковъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

¹⁾ Gebhardt. Zur bäuerlichen Glaubens—und Sittenlehre. 45.